

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА

УДК 101.1:316

РОССИЯ И ЭТОС КАПИТАЛИЗМА

В.В. Чешев

Томский государственный
университет

chwld@rambler.ru

В статье показывается, что историческое отношение России к этосу капитализма определялось ее культурным архетипом, в основании которого лежит этика солидарного, или соборного, человека. Образцы поведения, сформировавшиеся на основе названных архетипов, являются фундаментальными для русского этноса и русской культуры. Взаимное отталкивание этических начал общинной солидарности и «духа капитализма» происходило в России в условиях ее движения к промышленной стадии развития. Этот процесс совершался в условиях усиливавшегося разобщения народа и элитарных групп. В поздний период истории СССР на формирование взаимоотношения мировоззрения потребительского общества капитализма и традиционной солидаристской этики русской культуры оказала негативное воздействие догматизация марксизма как теоретической базы мировоззрения. В этих условиях в обществе создавалась возможность для возрастания роли потребительского идеала и вносимого им этоса. Этим была снижена острота мировоззренческого противостояния «духу капитализма», имеющему европейское происхождение. Обосновывается вывод, что историческая самоидентификация России требует обращения к традиционной этике солидарного человека и соответствующей теории общественного развития.

Ключевые слова: этос капитализма, традиционализм, этика солидарности, народ, элита.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.1-20-32

Так случилось, что в начале XX века Россия не поверила в миф о свободном самодостаточном индивиде и о пользе эгоизма, из которого якобы вырастает общественное благо. В сложное советское время она по своей «крестьянско-архаической отсталости» продолжала полагаться на ценности традиционной народной культуры, несмотря на то что в политическом пространстве доминировало марксистское «единственно верное учение», адаптированное к задачам развернувшегося социального строительства. Драматический финал «русского коммунизма» и попытка тотальной замены традиционных ценно-

стей на суррогат «общечеловеческих» заставляет вновь и вновь обращаться к вопросу о взаимоотношениях России и капитализма в его социальном и этическом измерениях. Действительно ли Россия настолько отсталая страна, что вплоть до конца XX века никак не могла вступить на столбовую дорожку прогрессивного развития, указанную капитализмом? Или же проблеме нужно видеть иначе, и судьба России в XX веке обусловлена другими историческими причинами, имеющими более сложную природу? Может ли оказаться, что одной из фундаментальных причин исторических превращений Рос-

сии является проблема взаимоотношения элиты и народной среды, т. е. проблема, не получившая необходимого решения в советский период и остро заявляющая себя в постсоветской фазе развития? При этом придется принять, что в промышленной стадии развития России (СССР) указанная проблема решалась в контексте взаимоотношения этоса русской культуры и этоса капитализма. Во всяком случае, в исторической судьбе «русского коммунизма» определяющим культурным фактором является противостояние русского поведенческого архетипа ценностям, на которые опирается капитализм.

Историческим пространством становления капитализма является Европа, и на европейское происхождение капитализма по-своему указывают исследования К. Маркса, М. Вебера и Ф. Броделя. Культурно-исторический подход к объяснению этого факта заключается в том, что *каждая культура имеет в своем генетическом материале свою собственную базовую модель поведения*, ценности и мотивации которой проявляют себя при любых социальных преобразованиях, возникающих в конкретных исторических условиях и по конкретным жизненным поводам. Социальные преобразования не могут не сопровождаться изменениями в доминантных образцах поведения, которые можно было бы назвать фенотипическими, возникающими при доминировании архетипических смыслов, формирующих культуру. Неприятие Россией этоса европейского капитализма, а это неприятие имело место не только на уровне крестьянского мира, т. е. деревенской общины досоветского периода, является фундаментальной причиной «культурно-цивилизационного конфликта» европейского капитализма и

русского традиционализма. Культурный генотип России включает в себе архетип поведения, который можно назвать моделью поведения солидарного человека, руководствующегося на эмоционально-психическом уровне чувством всечеловеческого родства. Глубокое различие архетипических культурных начал оказалось одной из принципиальных причин непростых взаимоотношений России и Европы, о которых писали в свое время русские славянофилы. Поскольку же капитализм формировался в Европе, то и отношение России к капитализму выстраивалось через культурное, социально-экономическое и политическое взаимодействие России и Европы. В этих взаимоотношениях можно указать на два важных процесса. С одной стороны, речь должна идти о культурном взаимодействии двух миров, в рамках которого становилось возможным проникновение этоса капитализма; с другой стороны, необходимо принимать во внимание специфическую роль российской элиты, старых и новых социальных иерархий в ходе названных взаимоотношений.

На культурное и политическое взаимодействие разных обществ накладывается большая сумма обстоятельств долговременного и текущего характера. Нам важны только те аспекты, которые вытекают из культурно-цивилизационного различия России и Европы, в резкой форме отмеченные Н.Я. Данилевским. В ходе утверждения в Европе ценностей капитализма на первый план выходило противостояние традиционализма и духа капитализма, на которое указал в свое время М. Вебер. В России традиционализм имел свою окраску, здесь речь должна идти о традиционализме, религиозной поддержкой которого

были принципы православной общины с ее этической доминантой соборного человека и соборного спасения. Прямое культурное столкновение традиционной поведенческой модели русской культуры с духом капитализма начинается в XVIII веке, когда была открыта дорога проникновению в Россию идей европейского Просвещения. Конечно, культурное взаимодействие Европы и России нельзя сводить к взаимоотношению России с «духом капитализма», оно более широко и более объемно. В частности, проникновение в Россию в XVIII веке идей Просвещения нельзя считать некоей экспансией, инспирированной капитализмом. Это был естественный для того времени контакт России с европейской культурой, поддержанный и интенсифицированный реформами Петра I. Но названное взаимодействие несло столкновение с духом капитализма по той причине, что, как уже отмечалось, именно Просвещение оформляло идеологию общества, завоевываемого капитализмом. Вместе с европейской философией, литературой, искусством в Россию проникал европейский мировоззренческий идеал, представленный духом прогресса и свободы индивида, утверждающего себя через освобождение от традиций и через обретение радостей земного бытия. Столкновение этих тенденций с русским традиционализмом стало доминирующим мотивом взаимодействия культур, в котором определялись позиции сторон, представленным в России противостоянием западников и славянофилов. Само взаимодействие подобного рода осуществляется определенными группами и через социально-культурную активность этих групп, что необходимо принимать во внимание при рассмотрении хода и последствий таких взаимоотношений.

Внимание России к европейскому просвещению было предопределено вставшей перед ней исторической задачей вхождения в промышленную стадию развития, которая потребовала обретения собственного мировоззренческого языка, способного выразить культурные константы России в новых исторических обстоятельствах. Актуальность указанной задачи определялась вызовом, который Европа, укреплявшаяся на пути промышленной революции, де-факто бросала всему миру и России как части этого мира. Однако в России европейское Просвещение было воспринято не буржуазным классом, которого по сути еще не было. На проникновение европейской культуры могло откликнуться только дворянство, и под воздействием французского Просвещения в XVIII веке оно заговорило по-французски. Обращение к европейской культуре не могло обойтись без подражательности, особенно на начальном этапе названного процесса, так что самостоятельная общественная мысль России изначально формировалась под давлением европейского мировоззрения. В какой-то мере это был век ученичества у европейской литературы, науки, у европейских искусств, вообще век ученичества у новой европейской образованности. В ходе названного процесса формируется своя национальная проблематика, хотя в XVIII веке в России было мало оригинальных русских мыслителей, способных осознать новые задачи. У новой образованности не было социальных каналов для проникновения в сельский мир, в крестьянскую массу России. Она лишь усугубляла разрыв элиты и народа, представленного крестьянством, этим основным тягловым населением империи. В лучшем случае она могла затрагивать и затрагивала городское население.

Названную пору ученичества нельзя однозначно оценивать как только позитивное или только негативное влияние. Позитивные и негативные стороны этого процесса органически связаны на этом этапе проникновения европейской образованности. Позитивный смысл в том, что европейское образование приносило знакомство с основными концептами сознания, необходимыми обществу для секуляризации мировоззрения при его вхождении в промышленную фазу развития. Негативная сторона названного процесса обусловлена неизбежной агрессией европейских культурных смыслов, точнее сказать, культурных смыслов общества, преобразуемого капитализмом, обусловленной вторжением этих смыслов на чуждую для них почву. Противоречивость этого просвещенческого процесса обусловлена также тем, что в нем значительную роль играло европейское масонство, всегда тяготевшее к эзотерике и гностицизму, мало пригодному для формирования мировоззрения России и вообще пригодному больше для верований эзотерических групп, нежели для широкой сферы народного сознания. При этом реформы Петра и просвещенческое ученичество России отразили насущные исторические потребности империи как сознаваемые частью общества, так и стихийно проявляющие себя в общественной жизни России.

Деятнадцатый век стал временем пробуждающегося национального самосознания России и активного обсуждения ее исторического пути. В общественной мысли России вестником такого пробуждения явилась группа славянофилов, бросивших вызов западному взгляду на судьбу России. С их деятельности начинается осмысленная борьба национальных и

европейских начал в российской образованной элите, совершавшаяся на протяжении всего XIX столетия. Нельзя утверждать, что в это период национальное самосознание потерпело полное поражение, но уж точно нельзя сказать, что оно одержало победу. В конце XIX века русский оригинальный мыслитель Н.Ф. Федоров писал: «Мы давно утратили самостоятельность и, не имея собственного критерия, все идущее с Запада принимаем без всякого исследования, без всякой проверки, а если отвергаем какое-либо западное учение, то лишь во имя другого западного же учения и даже способами, принятыми на Западе» [4, с. 121].

Отсутствие социальной и культурной почвы для просвещенского либерализма препятствовало его превращению в созидательную силу. В соответствии с логикой идейной борьбы его энергия была направлена преимущественно на подавление ростков пробуждающегося национального самосознания. Властные элиты, занимавшие охранительную позицию и опиравшиеся в числе прочего на церковь и религиозное сознание, не могли способствовать интеллектуальному росту, результатом которого стал бы собственный социальный проект вхождения России в промышленную фазу развития. К концу века оказалось, что ни одна социальная группа русского традиционного общества не способна выдвинуть такой национальный проект. Русская буржуазия не горела сакральным духом протестантизма и была слишком слаба для того, чтобы создать политическую элиту, способную защищать и реализовывать собственное видение будущего. Образ мыслей беспочвенной либеральной интеллигенции достаточно основательно и нелюбезно был

раскрыт самой интеллигенцией в сборнике «Вехи» после поражения первой русской революции в XX веке. Дворянство как класс могло занимать только охранительную линию, т. е. быть тормозом движения в новое общество. Неудивительно, что революционный процесс 1917 года в конечном счете возглавили русские марксисты, подхватившие власть после периода плачевной беспомощности антимонархической Февральской революции. Они превратили либеральный переворот, который трудно даже называть буржуазным, в революцию, названную ими социалистической и принявшую в силу исторических обстоятельств характер всеобщего антифеодального и антимонархического действия. Этим были устранены политические и социальные препятствия для нового этапа общественного развития. Но революция могла увенчаться успехом при условии, что установки победившей власти будут соответствовать стратегической цели вхождения российского общества в промышленную стадию развития. К этому добавлялось еще одно историческое условие. При переходе к промышленной фазе развития нужно было найти форму общественного устройства, способную опереться на глубинные культурные архетипы народа, победившего в этой революции. И на той стадии развития вновь обостряется вопрос о соотношении этоса капитализма и этоса русской культуры.

Фундаментальной границей, разделившей русское и западное общество, явилось, следуя терминологии Н.Я. Данилевского, различие культурных типов России и Европы. Еще с языческого времени культуру России пронизывает мироощущение солидарного человека, закрепленного христианским заветом любви к ближнему.

Последнее не означает, что межличностные и межгрупповые отношения в русской социальной среде всегда формировались как отношения трогательной заботы и братской любви всех социальных субъектов. Как христианская вера сама по себе не гарантировала прекращения всех конфликтов и даже могла порождать новые, включая костры инквизиции, так и всякая культура, включая культуру человеческой солидарности, не отменяет разногласий в обществе, перерастающих в конфликты групповые и межличностные. Культура задает фундаментальные принципы поведения и тем самым рамки разрешения конфликтов, формы тех действий, которые допустимо совершать при их возникновении и разрешении. В этическом плане различие эгоистического индивида и человека солидарного может быть выражено как противостояние принципов «война всех против всех» и «все люди братья», хотя в реальной жизненной практике обществ, в которых доминирует этос капитализма, люди не вступают в тотальную межличностную борьбу «всех против всех». Точно так же общества, в которых доминируют солидаристские принципы, не представляют собой гомогенную безличностную среду.

Противостояние культурных ценностей всегда принимает определенные формы, активизирует общественную мысль и творческие усилия во всех сферах искусства. Так было и в России в XIX веке. Поскольку же всякое мировоззрение имеет в своем основании совокупность представлений о человеке, то художественное отражение и теоретическое осознание природы человека оказалось главной темой, остро поставленной русской общественной мыслью. Постигание человека на-

звал основной задачей своего творчества Ф.М. Достоевский. Та же самая тема доминирует в социально-философской литературе России XIX века. Различие этических принципов солидаристской и индивидуалистической культуры отразилось и при обсуждении идей социализма, также пришедших из общественного движения Западной Европы. Более того, в России, как и в Европе, возникают политические объединения социалистического направления от «Народной воли» до РСДРП. При этом для теоретиков социалистических течений характерен поиск этических оснований будущего социализма, обращенных к сознанию личности. Известен христианский социализм С.Н. Булгакова, идеи которого, оставшись рассуждениями философа и православного проповедника, изложены им в ряде статей. Но более важны другие направления, более близкие атмосфере общественного протеста, в которой происходило политическое оформление идей социализма. Можно указать на два примера такого поиска. Один связан с деятельностью русского теоретика анархизма П.А. Кропоткина. Первичной ячейкой общественной жизни в представлении русского анархиста должна быть солидаристская община, т. е. община, в которой доминируют этические принципы взаимопомощи, а не конкурентной борьбы. Эта идея оказывается центральной в книге «Взаимопомощь среди животных и людей», в которой П.А. Кропоткин ищет эволюционные основания солидарных взаимоотношений в биологических сообществах и предстает принципиальным противником тех антропологических представлений западного мировоззрения, которые приписывают прогресс принципу конкурентной борьбы «Приписывать про-

мышленный прогресс нашего столетия войне всех против всех, как это делалось неоднократно, настолько же основательно, насколько основательно дикарь, не знающий истинных причин дождя, приписывает его жертве, принесенной своему глиняному идолу. Для промышленного прогресса, как и для всякого другого завоевания над природой, взаимная помощь и тесные отношения людей друг с другом и теперь, и раньше оказываются более выгодными, чем взаимная борьба» [1, с. 313]. Подобный взгляд на солидарные отношения людей как основание справедливого социалистического устройства можно найти у П.А. Лаврова. В статье «Социализм и борьба за существование» он пишет: «Орудием борьбы за существование общества является солидарность его членов... Существует уже инстинктивная солидарность, взаимная помощь определенного круга особей, и это отрицание борьбы за существование между особями является самым могучим средством для благоденствия их солидарной группы» [2, с. 369–370]. И далее: «Социалистическое общество должно быть обществом солидарных личностей, связанных сознательно готовностью пожертвовать личным наслаждением для общего блага» [2, с. 380]. Дополним эти утверждения еще одним высказыванием П.А. Кропоткина: «Стремление к взаимопомощи появилось у человека еще в отдаленные времена, оно так глубоко переплеталось со всем прошлым эволюции человеческой расы, что сохранилось, несмотря на все превратности истории, до настоящего времени... И всякий раз, когда человечеству предстояло выбрать новую социальную организацию, приспособленную к новой фазе развития, его созидательный гений почерпал вдохновение и необходимые ему элементы из этой веч-

но живой тенденции» (выделено мной – В.Ч.) [1, с. 234]. Отметим, что и марксизм вносит этические представления о пролетарском братстве, возникающем на основе общих исторических интересов пролетариев и опирающемся на их классовую солидарность.

Можно утверждать, что в вопросе об антропологических основаниях мировоззрения русская общественная мысль постоянно наталкивается на принципиальный вопрос: доминируют ли в обществе отношения солидарности или таковыми являются отношения взаимной борьбы? Весьма последовательное и фундаментальное развитие принципа солидарных отношений как атрибутивного начала, выражающего природу человека, представлено в творчестве В.С. Соловьева. Русский религиозный философ не связывал солидаристскую этику с эволюционной концепцией, как это делал, например, П.А. Кропоткин. В поисках мировоззрения человеческого всеединства В.С. Соловьев обращался к тварной природе человека, в которой нравственность предстает как делание добра, а высшим проявлением нравственного чувства, побуждающего к деланию добра, является благоговение перед существом бесконечно более могущественным, нежели человек, но существом бесконечно добрым. Религиозное чувство, по Соловьеву, есть проявление нравственности в человеке, которая присуща человеку по его природе, т. е. солидарная природа человека изначально, христианская вера есть лишь ее выражение. Такое видение человека не может согласиться с антропологией, на которую опирается этика, принятая обществом капитализма. Здесь заключается принципиальное расхождение этических оснований русской культу-

ры и культуры победившего капитализма, не преодоленное до сего времени.

Если подводить итог этому беглому взгляду на противостояния русской культуры и «духа капитализма», то можно утверждать, что в России не было ни культурных оснований для завоевания общества этим самым духом, ни социальных групп, способных изменить исторически сложившийся русский этос. Россия могла войти в промышленную стадию лишь своим собственным путем, на своих собственных культурно-исторических основаниях, на которых настаивали славянофилы. Так оно и случилось, хотя вступление на этот путь было не столько сознательно организованным, сколько стихийным в ряде своих проявлений. Революция 1917 года вовлекла в социальный процесс народные массы России, и есть основание утверждать, что в этическом контексте ее результат представлялся победившему большинству как победа народной правды, т. е. народного представления о справедливости, основанного не столько на материальном расчете, сколько на традиционном нравственном смысле названной ценности. Социально-культурной основой последующего исторического движения стал общинный этос, общинное русское сознание, мирочувствование, жаждавшее видеть мир как человеческое братство. Случилось так, что в советском социальном строительстве марксистской оболочкой было прикрито мирочувствование русской крестьянской общины (на это указывал в свое время Н.А. Бердяев). Оно стало генеральным смыслом, на который при всех идейных и политических издержках опиралось новое строительство. Осознанно или неосознанно сделанный выбор заключался в том, что общество в целом отвергло капиталистический путь развития

и стало ускоренно входить в промышленную фазу строиться на собственном культурном основании. Тем самым была проведена принципиальная разграничительная черта между западным развитием, называемым иногда модерном, и русским развитием, названным Н.А. Бердяевым русским коммунизмом. Этот исторический выбор был сделан в сложных исторических условиях, в ситуации, определяемой раскладом сил, действующих в политической сфере. С одной стороны, и это обстоятельство является фундаментальным, новый выбор не приняло элитарное большинство дореволюционной России. Победила народная правда, а не интеллигентская и не буржуазная. Образованный класс мог бы принять эту победу через историософское осмысление свершившегося факта. Но дворянско-интеллигентское сознание видело в революционных событиях только собственное поражение, нанесенное ему необразованной и подчас неприглядной народной толпой. Примерно так выглядит русская революция в воспоминаниях ряда русских эмигрантов. Интеллектуальная элита прошлого в большей своей части осталась чуждой народной правде и выбрала путь борьбы, а не сотрудничества с новой Россией. С другой стороны, нельзя не признать, что такому выбору образованного слоя способствовали политическая ситуация в стране, революционный экстремизм и насилие в обстановке гражданской войны, сопровождающейся жестокостями с обеих борющихся сторон. Одним из политических факторов неприятия «белой стороной» большевистской революции было немалое число представителей международного революционного движения в высших слоях революционной власти в период гражданской войны. Хотя необходимо признать и другое: отри-

цательный сословный и интеллигентский выбор большей части элиты прошлого был предопределен ее мироощущением, ее фундаментальным разрывом с народной массой, ее неспособностью понять «народную правду».

Задача строительства «государства рабочих и крестьян» требовала новой элиты с новым сознанием, обращенным к «народному этосу». Старая элита была сметена, новой элите еще только предстояло сложиться, и все это в условиях жесткой борьбы и жесткого противодействия со стороны Запада. На первых порах марксизм и марксистское образование отчасти могли решать задачу воспитания нового поколения интеллигентов и администраторов. Однако социальная теория и мировоззрение, необходимые в новых исторических условиях, должны были опереться на исторические корни, на архетипы народного сознания, выразить их в рациональной форме и превратиться в основания нового мировоззрения и новой социальной теории. Решение названной задачи осложнялось догматизацией марксизма как «единственно верного учения», а также политическим курсом первых лет, игнорировавшим национальную специфику в пользу интернационализма и служения идее всемирной революции. В последующем создание социальных лифтов, последовавшее в ходе социального строительства, и широкое приобщение к знанию народной массы создавали почву для воспитания новой интеллектуальной элиты. Но сами по себе эти условия были недостаточны для решения задачи, в то же время решение требовалось столь же срочное, как и меры по индустриализации народного хозяйства.

Общественные отношения, складывающиеся на той или иной ступени разви-

тия общества, не могут быть этически нейтральными. Они являются формой, в которой реализуется общественная жизнь, осуществляются взаимоотношения индивидов и социальных групп, и форма не может быть нейтральной к содержанию¹. При этом надежное воспроизводство культурного архетипа, базовых моделей поведения и культурных ценностей общества требует усилий элиты, призвание которой заключается в служении фундаментальным смыслам, принятым обществом. Жизнеспособность всякой социальной структуры определяется среди прочего наличием такой элиты. В мобилизационный период советского строительства ее функции выполняли партийные функционеры, хозяйственные и советские работники, вербуемые из разных слоев общества, в том числе из его низов. Однако формирование новых социальных структур столкнулось с довольно традиционной в России проблемой разрыва интеллектуальной и политической элиты с народом и народным сознанием. Собственно, незавершенность процесса становления новой «народной элиты» является одной из причин того кризиса, который привел к поражению и распаду СССР. Такой последовательности ходу событий способствовали и напряженные мобилизационные условия его становления. На первой стадии советской истории переход победившей власти к государственному строительству столкнулся с навязанной марксизмом идеей экспортировать русскую революцию и

распространить ее на всю Европу. В мобилизационный период индустриализации, в ходе войны и послевоенного восстановления власть опиралась не только на идеологию, но и на народное чувство, на народную поддержку конечных целей такого строительства. На начальных этапах советского строительства в трактовке марксизма доминировала идея социальной справедливости, устанавливаемая рабочим классом в союзе с крестьянством, освободившимися от эксплуатации. Союз рабочих и крестьян – это несомненно российская новация в марксизме, отразившая специфику революционного процесса в России, вообще характер социальной ситуации в стране, в которой до революции крестьянское население составляло не менее 80 процентов. На этой основе осуществлялся перевод России в промышленную стадию развития, и эта задача была решена в ходе предвоенных и послевоенных усилий.

Однако прочная мировоззренческая база, способная сформировать новую элиту и проложить дорогу в будущее, была возможна только на пути осмысления русской революции как явления национального, т. е. как процесса, обусловленного социальными и культурными особенностями России. Советский период необходимо было осознать как катастрофический, но неизбежный этап развития общества, как способ вхождения России в новую историческую стадию развития. Такое осмысление не было выполнено по ряду причин. Одна из них состояла в том, что опора на марксизм, привнесенная самой революцией, исключала осмысление советской истории в рамках иных понятий. Более того, любые попытки «самодетальности» в этих вопросах и обращение к русскому интеллектуальному наследию

¹ В.С. Соловьев пишет об этом следующее: «Начало совершенного добра, открывшееся в христианстве, не упраздняет объективного строения человеческой общественности, а пользуется ею как формой и орудием для воплощения своего безусловного нравственного содержания: оно требует, чтобы человеческое общество становилось *организованно нравственным*» [3, с. 339].

жестко преследовались как идейная измена духу социализма. Практическим результатом такой политики явилась на первых порах революционная борьба с русским «великодержавным шовинизмом», оправдываемая необходимостью блюсти чистоту марксизма. Лишь в предвоенные годы индустриализации были открыты шлязы для самовыражения народной культуры с ее общинным сознанием и этикой солидарного человека. Тем самым русская тема была открыта в советском искусстве: в кино, в музыкальном исполнительском искусстве, в литературе и поэзии. Именно она окрашивает в теплые солидаристские тона советское искусство предвоенной и послевоенной поры, вписывает его в историю России как этап ее органического развития. На этом уровне шло фактическое формирование солидаристской культуры промышленного общества в СССР.

Однако в теоретической сфере, в области мировоззрения и миропонимания, необходимый для развития общества синтез советской и русской истории не был осуществлен. Не оказала необходимой интеллектуальной помощи и та часть русской элиты, которая, оказавшись на западе, видела лишь собственную катастрофу и за своей ненавистью к новой власти (заодно и к восставшему «быдлу», поддерживавшему эту власть) не стремилась к глубокому осмыслению социальных процессов, происходящих в России и в мире. При таком состоянии идейной сферы истончался мировоззренческий фундамент для воспроизводства элиты, способной поддерживать историческую траекторию, на которую история вывела Россию после победы во Второй мировой войне. Руководящая элита постмобилизационного этапа развития, начавшегося с завершения

послевоенного восстановления, не имела необходимой интеллектуальной среды для своего формирования. Создание такой среды зависело как от интеллектуального слоя послевоенного СССР, так и в еще большей степени от усилий властной элиты, от ее способности культивировать такую среду. Без серьезного идеологического поворота, требующего изменения роли марксизма в идейно-теоретическом обосновании «русского коммунизма», нужный интеллектуальный процесс не мог состояться, он и не состоялся ввиду отсутствия такого поворота. В идейной плоскости, в области идеологии и мировоззрения, углублялся провал, усиливавший разрыв власти с интеллектуальной историей России прошлого и препятствовавший созданию идейного базиса как для формирования сознания властной элиты, так и для народного сознания.

В новых условиях был воспроизведен столь характерный для прошлого России разрыв элиты и народа. Первый тревожный звонок, предупреждающий о возможности такого разрыва, прозвучал уже в первые годы советского строительства в виде так называемого комчванства и выставляемого напоказ мещанского благополучия («В чем сегодня буду фигурировать я на балу в Реввоенсовете...». В.В. Маяковский). Марксистская теория сама по себе не могла препятствовать такому разрыву, поскольку служение идее и служение государству не может строиться как служение некой теоретической установке. Оно должно быть служением идее национальной истории, перерастающим в служение идее человеческого всеединства, если говорить об исторической роли России как она понималась еще славянофилами. Государственная элита мобилизационного

периода выполнила свой долг перед Отечеством, но этим она не преодолела идейной пустоты, создававшейся фундаментальным разрывом между марксистской теорией и реальной историей России. Эта пустота не только разъединяла элиту и народ, она усугубляла разрыв между прошлым и настоящим России, что в условиях постмобилизационного развития сделало властную элиту исторически беспомощной, ослепленной, не способной видеть исторические задачи. В этих условиях стало возможным принятие ведущей частью советской элиты мотиваций капиталистического общества, ставшего обществом потребления. Желание войти в глобальный потребительский мир стало мировоззренческой капитуляцией перед геополитическим и историческим противником. На этом основании была проиграна новая фаза в столкновении культурного архетипа России и преобразованного «духа капитализма».

Значительные процессы в обществе не могут совершаться без активной или пассивной поддержки большинства. Поэтому отказ послевоенной элиты от продолжения советской истории по необходимости сопровождался организацией его поддержки снизу. В ходе способствовавшего этому процессу воздействия на общественное сознание борьба против советской идеи стала одновременно борьбой против этики солидарного общества, характерного для русской истории. Общинные ценности, на которые оно опиралось в прошлом, были представлены как этика безличностной толпы, которая сначала исподволь и потом все отчетливее подвергалась осмеянию с позиции своеобразного «интеллектуального аристократизма». Разумеется, все это происходило в услови-

ях подспудной идейной борьбы, в которой информационно-смысловая война против советской истории апеллировала к формируемому обывательскому недовольству. Разрыву советской и русской истории в массовом сознании решительным образом способствовала подмена ценностей, начатая в идеологической работе Н.С. Хрущевым в форме подспудного осуждения советской истории через осуждение культа личности и продолженная кардинальной подменой ценностей, произведенной на съезде, объявившим целью коммунистического строительства создание общества массового потребительского изобилия. На той стадии развития столкновение с этим капитализмом приняло новые черты. Общество, потерявшее свои мировоззренческие ориентиры и не способное связать в единый процесс прошлое и настоящее, поддавалось иллюзорным ценностям «рыночного изобилия». Вхождению на территорию России чуждых для нее ценностей способствовал соблазн индивидуального обывательского благополучия. Однако страсть к наживе, страсть к обогащению, ставшая основным мотивом деятельности «внутренних капитализаторов», вовлеченных в ускоренную приватизацию собственности, никакого отношения к капитализму не имеет, на что указывал еще М. Вебер. При отсутствии в России глубоких внутренних оснований для «духа капитализма» его вторжение невольно приняло «внешний характер», оно неизбежно предстало как претензия на принудительное доминирование образа мысли и чувств европейского общества потребления. Последствия такого вторжения не требуют специального описания. Вхождение в «мировую цивилизацию», т. е. наше встраивание в мир глобального капитализ-

ма, если оно вообще возможно, требует ликвидации этики солидаризма, т. е. может совершаться только на пути устранения культурного генотипа России и присутствующих ей базовых поведенческих моделей. Если принять концептуальные соображения Н.Я. Данилевского, то Россию, упорно идущую по этому пути, ждет перспектива стать «удобрением», стать почвой для чужой цивилизации. Несогласие же с такой перспективой вновь требует обращения к фундаментальным ценностям и мотивациям русской культуры.

Уроки столкновения России с «духом капитализма» подтверждают то, что уже давно было сказано в русской общественной мысли. Дух капитализма и западное общество потребления есть продукты европейской истории. В культурном отношении они чужды солидаристским основаниям русской культуры, ее этосу. В исторически изменяющихся условиях России необходимо новое обретение своей культурной идентичности, адекватное обстоятельствам. Только в таком случае возможно продолжение российской истории, реализации «русской идеи», необходимой не только для России, но и для всего мира. Советская история и победа над противопоставленным ей фашистским проектом в годы Великой Отечественной войны показали, что путь, основанный на ценностях русской культуры, не только возможен, но единственно возможен. Сегодня, когда в западном обществе совершается внедрение норм жизни, противоречащих культурной и природной сущности человека, особенно актуальным становится нравственное противостояние, явлен-

ное Россией в последней мировой войне. Этика добра, этика солидарного человечества, этика защиты и продления жизни становится альтернативой эгоистическому этосу капитализма и общества потребления. Но действительный путь такой борьбы требует воплощения «этоса жизни» в самом общественном устройстве. Потому остается актуальной мысль В.С. Соловьева о нравственных основаниях всякого социального устройства: «Для человека нравственно настроенного важно здесь только одно: чтобы собирательная организация человека действительно подчинялась безусловному нравственному началу, чтобы общественная жизнь в самом деле принимала к исполнению нормы добра – правду и милосердие – во всех делах и отношениях между людьми, чтобы личностно-общественная среда *по существу* становилась *организованным добром*» [3, с. 340].

Противостояние культурных начал не завершено. Но оно не завершено не только для России. Оно остается актуальным для всего мира, которому необходима этика делания добра.

Литература

1. Кротошкин П.А. Взаимопомощь среди людей и животных. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2005. – 320 с.
2. Лавров П.А. Социализм и борьба за существование // П.А. Лавров. Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1965. – С. 365–381.
3. Соловьев В.С. Оправдание Добра // В.С. Соловьев. Соч. в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – С. 47–580.
4. Федоров Н.Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1988. – 711 с.

RUSSIA AND THE ETHOS OF CAPITALISM

V.V. Cheshev

Tomsk State University

chwd@rambler.ru

Article shows that the historical attitude of Russia to the ethos of capitalism is determined by its cultural archetype, which lies at the basis of the ethics of a solidary or conciliar man. Behavior patterns formed on the basis of these archetypes are fundamental to the Russian ethnos and Russian culture. Mutual repulsion of the moral principles of solidarity and community and the «spirit of capitalism» took place in Russia in terms of its movement to the industrial stage of development. This process developed in the context of growing uncoupling between the people and the elite groups. In the later period of Soviet history dogmatization of Marxism as a theoretical framework of the world outlook had a negative impact on the formation of the relationship between the world capitalist consumer society and the traditional ethics of solidarity in Russian culture. These conditions contributed greatly to the increase of the role of the consumer ideal and the accompanying morality. This reduced the severity of the ideological confrontation with the «spirit of capitalism» European in origin. The article proves the conclusion that the historic Russian identity requires accessing traditional morality of human solidarity and the corresponding theory of social development.

Keywords: the ethos of capitalism, traditionalism, the ethics of solidarity, the people, elite.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.1-20-32

References

1. Kropotkin P.A. *Vzaimopomoshch' sredi lyudey i zhivotnykh* [Mutual aid among people and animals]. Minsk: Belaruskaya Entsyklopedyya, 2005. 320 p.
2. Lavrov P.L. *Sotsializm i bor'ba za sushchestvovanie* [Socialism and fight for existence] // P.L. Lavrov. *Filosofiya i sotsiologiya. Izbrannye proizvedeniya*. V 2 t. T. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1965, pp. 365–381.
3. Solov'ev V.S. *Opravdanie Dobra* [Good justification] // V.S. Solov'ev. *Soch.* V 2 t. T. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1988, pp. 47–580.
4. Fedorov N.F. *Sochineniya*. [Works] Moscow: Mysl' Publ., 1988. 711 p.